

историческій фактъ представляется безъ искажающихъ прикрасъ, а вымыселъ не возводится на степень историческаго факта, рѣшившаго судьбу событія.

Умѣя понять разнообразіе мотивовъ, которые заставляютъ всѣхъ людей принимать участіе въ исторіи, гр. Толстой и здѣсь допустилъ, однако, пробѣлъ и притомъ весьма существеннаго свойства: разъ онъ отнесся къ социологической сторонѣ исторіи, къ измѣненію культурно-соціальныхъ формъ или «всевожможнымъ преобразованіямъ», по его собственному выраженію, какъ къ дѣлу безразличному для настоящей жизни, онъ долженъ былъ и ту часть человѣческой дѣятельности, которая направлена на эту сторону жизни, подвергнуть нѣкоторому остракизму. Гр. Толстой доходитъ далѣе до утвержденія, будто сознательное стремленіе къ общему благу путемъ преобразованія формъ жизни даже совсѣмъ невозможно: «для человѣка, не одержимаго страстью,—говоритъ онъ, напр.,—*bien public* никогда неизвѣстно; но человѣкъ, совершающій преступленіе, всегда вѣрно знаетъ, въ чемъ состоитъ это благо». Не мы первые отмѣчаемъ, что вообще гр. Толстой, и не въ «Войнѣ и мирѣ» только, даже очень несимпатично относится къ общественнымъ дѣятелямъ всякаго рода, и если въ «Войнѣ и мирѣ» масса людей принимаетъ участіе въ исторіи, то подъ вліяніемъ стихійной силы чувства; историческое движеніе подъ вліяніемъ идеи о *bien public* съ такой точки зрѣнія должно являться полнѣйшей загадкой, и было бы очень любопытно по-смотреть, какъ справился бы гр. Толстой съ своей исторической задачей въ «Декабристахъ», писать которыхъ онъ начиналъ. Отсюда понятенъ и такой выводъ изъ общей концепціи гр. Толстого: «только одна безсознательная дѣятельность, — говоритъ онъ, — приноситъ